

на любовь Божию». ¹⁶ Этот агиографический штамп в дальнейшем рассказе расцвечивается живыми подробностями быта зажиточной семьи, на которую работали «рабы». Хотя родителям Феодосия, согласно тем же требованиям канона, приписано «всякое благочестие», однако с детства начинается их противодействие религиозным склонностям сына. «Всяким благочестием украшена» мать, и все же она приходит «в великую ярость» оттого, что ее сын работает на «селе» с рабами, носит убогую одежду, уклоняется от «игр» со сверстниками и тем приносит «укоризну себе и своему роду». Так сталкиваются два взгляда на жизнь, и мать «многожды» убеждает сына не только гневными словами, но и побоями (стр. 16—17).

Наконец, Феодосий, задумав выполнить завет Христа, решает «постричься и утатиться матере своеа». Воспользовавшись тем, что мать на «дни многы» уехала «на село», Феодосий ушел из дому в Киев и, получив отказ в нескольких монастырях, пришел в пещеру к Антонию, который принял его (стр. 20).

Последний этап борьбы матери с Феодосием разворачивается уже в Киеве. Четыре года она искала сына, оплакивала его как мертвого и, наконец, узнала, что он в Киеве. Он отверг все просьбы матери вернуться домой и обещания ее не препятствовать ему жить там «по воли своей». Встречи кончились тем, что сын убедил мать постричься в женский монастырь (стр. 21—22).

Обо всем этом «мати исповеда единому от братиа, имянем Феодору, иже бе келарь при отци нашем Феодосии». Нестор добавляет: «Аз же от него вся слышавъ, овому исповедавшю ми, и вписах сие на память всем почитающим сиа» (стр. 23). ¹⁷

Итак, в этой части жития перед нами два человеческих портрета. В образе Феодосия, каким его нарисовал Нестор, все подчинено одной цели — показать рост его религиозных настроений, его то молчаливую, то «писанием» подкрепленную упорную борьбу с попытками отвлечь его от этих настроений, вернуть к «земным» радостям, почестям. Лишь один раз Феодосий во время встречи с матерью в монастыре делает уступку материнской любви и к доводам «от писания» добавляет простые человеческие слова: «... аще хоцещи мя видети по вся дньи, прииди в сей град и, вшедши в един монастырь женеск, и ту остризися. Тако, приходяще семо, видиши мя, к сим же и спасение души приимеши. Аще ли сего не сотвориши, истинну ти глаголю: к тому лица моего не имаши видети» (стр. 22). В устах монаха-подвижника неожиданно в этой речи на первый план выдвинулось обещание ежедневных встреч, а потом уже «к сим же» Феодосий напомнил ей и о «спасении души». Для читателя в конце концов так и остается под вопросом, действительно ли мать убедилась вслед за сыном, «яко ничтоже есть свет сий маловременный» и потому лучше удалиться в монастырь, или верх взяла возможность «по вся дньи» видеть любимого сына.

Для характеристики Феодосия после пострижения Нестором привлечен традиционный набор эпитетов, подчеркивающих христианские добродетели инока; частью эти эпитеты подходят под определение «празднично-торжественные», выполняющие задачу прославления.

¹⁶ Патерик Киевского Печерского монастыря. Памятники славяно-русской письменности, изданные имп. Археографическою комиссиею. СПб., 1911, стр. 15, 16 (далее в тексте в скобках указываются страницы этого издания).

¹⁷ Наличие этой ссылки Нестора в рассказе матери делает излишней попытку искать «письменный источник» эпизода встречи ее с сыном в Скитском патерике, см.: [С. А. Бугославский]. Жития. — В кн.: История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 330.